

© 2006 г.

А.В. ШИПИЛОВ

"СВОИ", "ЧУЖИЕ" И ДРУГИЕ. ОТ АНТИЧНОСТИ ДО СОВРЕМЕННОСТИ

ШИПИЛОВ Андрей Васильевич – доктор культурологии, доцент Воронежского государственного педагогического университета.

Проблематика межнациональных отношений, нередко приобретающих в современной России и мире в целом форму этнических конфликтов, занимает одно из первых мест на предметном поле социальных наук. Многие авторы подчеркивают роль социально-психологической оппозиции "мы – они", которая не только определяет структуру этноидентичности, но и придает этничности как таковой атрибуты интолерантности, конфронтационности и конфликтогенности. При этом "они" рассматриваются как не просто "другие", но как "чужие". Противопоставление "нас" и "их" фактически отождествляется с антагонизмом "своих" и "чужих" [1].

Это отождествление представляется не совсем правильным: оппозиция "свои – чужие" задает параметры идентичности этнических, т.е. лингвокультурных сообществ, в то время как оппозиция "мы – они" фундаментальна и инвариантна для самосознания и других социальных групп. Эксперименты Г. Тэджфела показывают, что ингрупповой фаворитизм и аутгрупповая дискриминация неизменно возникают даже в том случае, когда группы формируются по чисто номинальным и совершенно произвольным признакам, вплоть до цвета глаз и последней цифры номера социального страхования [2]. Соответственно, дискриминируемые "они" – это всегда "другие", но не всегда "чужие"; "чуждость" даже этимологически соотносится с этничностью (точнее – иноэтничностью: славянское "чужой" происходит от заимствованного готского слова со значением "народ" [3]), но социальность далеко не исчерпывается последней. Можно согласиться с Г.У. Солдатовой, что "этничность по сути своей конфронтационна" [4], но, вне зависимости от того, считать этот феномен субстанцией или конструктом, очевидно, что межнациональная нетерпимость и этнические конфликты отнюдь не одинаково характерны для разных этапов исторического развития конкретных обществ.

В истории модерни динамика роста агрессивного этноцентризма и национализма достаточно четко коррелировала с процессами политической демократизации и социальной эгалитаризации. Отрицать наличие такой корреляции и, наоборот, приписывать демократии в качестве неотъемлемого атрибута межэтническую толерантность, как это делают Ю. Хабермас, Р. Инглхарт и ряд других авторов, работающих в русле либеральной традиции, значит ради "обоожествления" демократии весьма специфически интерпретировать историческую или конструировать социальную реальность. Сторонники этой точки зрения связывают толерантность с демократией, вневременной и синонимичной благу как таковому, а нетерпимость приписывают авторитарным и тоталитарным режимам последних столетий, не обращая внимание на их производность от теории и практики народного суверенитета. Напротив, Э. Ян именно в связи с

последним указывает на неизбежную этнократичность демократии, а М. Уолцер обращает внимание на то, что самым древним и наиболее органичным типом толерантного режима является многонациональная империя с ее практикой равноудаленности правящего класса от автономных этнокультурных групп [5].

Присоединяясь к этим мнениям и разделяя установку системного подхода или, скорее, парадигмы (от Дюркгейма и Спенсера через Зиммеля и Сорокина до Дарендорфа и даже Лумана), могу выдвинуть тезис, что интолерантные отношения противопоставляющих себя друг другу в качестве "своих" и "чужих" различающихся этнокультурных единиц в той или иной мере коррелируют с гражданским равенством и демократией, в то время как толерантность в их взаимовосприятии и взаимодействии обеспечивается сословным неравенством и авторитаризмом, когда господствующий тип социальной идентичности определяется не противопоставлением "своих" и "чужих", а перпендикулярной ему оппозицией "высших" и "низших". Необходимая и неизбежная для обретения индивидом в составе группы социальной идентичности оппозиция "мы – они" выступает в двух вариантах – как оппозиция "свои – чужие" и как оппозиция "высшие – низшие", одновременная выраженность и интенсивность которых обратно пропорциональны друг другу. По отношению к иной группе данная выступает единой, эгалитарной, внутренне будучи организована как целое взаимно оппонирующих элиты и массы. Поэтому в первом отношении оппозиция "мы – они" приобретает форму "свои – чужие", а во втором – "высшие – низшие"; первая характеризует взаимовосприятие этносов, вторая – страт, и обе они манифестируются в культуре, маркируют различными артефактами.

Иными словами, сословная и национальная идентичность антагонистичны, в гражданско-демократическом обществе доминирует тип идентичности, определяемый оппозицией "свои – чужие", а в стратифицированном обществе, основанном на политическом неравенстве различных социальных слоев, доминирует идентичность, определяемая оппозицией "высшие – низшие". Полярность опосредуется иерархией, иерархия – полярностью, причем в синхронии этой логикой определяется структура интер- и интра-групповых отношений, а в диахронии – их эволюция. В процессе социокультурного развития этническая интеграция обеспечивается противопоставлением страт (внешняя интеграция приводит к внутренней дифференциации) и наоборот, так что толерантность в межэтнических отношениях предполагает интолерантность в сословно-классовых, а классовый мир предполагает национальную вражду. При этом оппозиции "свои – чужие" и "высшие – низшие" взаимно снимают и последовательно сменяют друг друга.

Обратная связь социальной стратификации и этнической дифференциации для новой и новейшей евроамериканской истории достаточно очевидна. Существует много работ по истории нации и национализма, где эта связь прослежена на богатом и показательном историческом материале [6]. Однако европейская модернити представляет собой вполне уникальное явление во всемирной истории, поэтому для того, чтобы более надежно верифицировать предложенную гипотезу и одновременно испытать ее объяснительный потенциал, необходимо обратиться к иным временам и народам. Я остановил выбор на античности.

Почему античность? Такой вопрос самим фактом своей постановки свидетельствует о безвозвратно состоявшемся закате модерной Европы, которая выбралась из *ancien régime* и обрела свою социокультурную идентичность, опираясь на классическое наследие, сегодня же, отказавшись от последнего, все больше утрачивает и первую. Действительно, чем является сегодня для нас древняя Греция? Практически ничем практически для всех, кроме малочисленной части историков и филологов, рассматривающих античные реалии как предмет своих узкопрофессиональных штудий. Античность превратилась в музейный экспонат, более или менее занимательный реликт в ряду ему подобных где-то между шумерами и ацтеками. Лишь отдельные рудименты университетских учебных планов типа преподавания латыни в течение одного-двух семестров напоминают сегодня о канувшем в лету классическом образовании. "Клас-

сика" перестала быть классикой, и все же для европейца, как бы мало он сегодня ни соответствовал этому когда-то гордому имени, античная древность не может не выступать своего рода бабушкиным сундуком исторического опыта.

С чисто логической точки зрения, нет никакой разницы в выборе конкретного общества, ибо в ракурсе обозначенной темы античность как предмет суть не больше чем пример. Из этого следует два вывода: наш выбор столь же оправдан, сколь и любой другой; всякий иной выбор будет настолько же произвольным, как и наш. Но, кроме логики исследования, есть еще и его практика и даже, некоторым образом, тактика: если взять общество, хронологически слишком отдаленное от нас, или же, наоборот, слишком приближенное, то историческая картина будет искажаться аберрациями близости и дальности. То же самое и с культурным пространством: ни тибетская, ни русская культура не дадут необходимой степени адекватности восприятия анализируемых феноменов, так как одна для нас слишком непонятна, а другая чересчур понятна.

С этой точки зрения античное общество удовлетворяет спрос по обоим параметрам, ни в хронологическом, ни в типологическом отношении оно не является для нас ни слишком далеким, ни слишком близким. Античная история, в отличие от истории многих как более ранних, так и более поздних обществ, и хорошо документирована, и обладает достоинством завершенности. Это объект многовековых усилий европейской науки. Так что нет необходимости проделывать подготовительную работу с "фактурой", предвещающую анализ, да и анализов этих, концепций и интерпретаций античности тоже более чем достаточно, ибо именно в греко-римском историческом ландшафте традиционно проводились испытания разного рода историологических моделей, так что было бы, по меньшей мере, странно, если бы мы вышли из этого ряда, сделав выбор в пользу перуанских или малазийских древностей. Античное общество прошло полный цикл социально-политической эволюции – от родовых до имперских структур. Оно знало и демократию, и авторитаризм, что дает возможность увидеть оппозицию "свои – чужие" в динамике (конечно, формат статьи позволяет лишь эскизно обрисовать самые значимые моменты этой эволюции и наиболее генерализованные формы интересующих нас оппозиций).

В архаической Греции VIII–VI вв. до н.э., социально-политическая жизнь которой характеризовалась господством знати и бесправием закабаленных рядовых членов гентильных подразделений, структурообразующим аксиологическим и идеологическим противопоставлением была не этническая оппозиция "свои – чужие" в форме "эллины – варвары", а стратическая оппозиция "высшие – низшие" в форме "aristos — kakos" ("лучшие – худшие"). В поэмах Гомера если речь и заходит о простолюдинах, то лишь для того, чтобы показать "подлость" всех этих младших родичей, клиентов, слуг, маркировать их "низший" статус, который с поистине архаической простотой отождествляется с физической, этической и интеллектуальной неполноценностью, примером чего служит образ Терсита. Всякая попытка "низших" проявить политическую самостоятельность безжалостно подавляется – тот же Терсит за свою речь против Агамемнона в народном собрании получил от Одиссея "по хребту и плечам". И не он один; на этом собрании царь Итаки орудовал своим "скипетром" направо и налево, вразумляя демос не только речами, но и затрецинами, и можно думать, что искусство в этом случае вполне адекватно отразило действительность. В позднейшей лирической поэзии, у Пиндара и Вакхилида, фигурирует уже не столько силовая демонстрация, сколько теоретическое обоснование превосходства знати над демосом. Все положительные характеристики индивида суть родовое, наследственное достояние, поэтому именно "благородные" аристократы с их потомственной доблестью-добродетелью "арете" должны властвовать и править, в то время как "подлорожденные" не должны подниматься по ступеням социальной лестницы, ибо арете нельзя научиться, ее можно только унаследовать. Если человек "низкого" происхождения, то стать "выше" ему не суждено ни при каких обстоятельствах и ни за какие заслуги. Правда, уже Феогниду пришлось отстаивать в сторону теорию и призывать своего читателя вновь обратиться к практике

славных ахейских мужей – "Крепко пятою топчи простодушный народ, беспощадно Острою палкой коли, тяжким ярмом придави!". Однако было уже поздно: усиливающая полисная организация с ее принципом денежного ценза, развивающееся товарно-денежное хозяйство, обогащавшее купцов, предпринимателей и финансистов и разорявшее землевладельцев старого образца, заставляли знать сдавать позиции, аксиологическим свидетельством чего является высмеивание аристократического поведения и мышления в "Батрахомиахиях".

Тем не менее, пока аристократия была сильна, определявший господствующие типы социальной идентичности антагонизм "высших" и "низших" весьма успешно минимизировал оппозицию "свои – чужие". В "Илиаде" смертельные враги, ахейские и троянские "мужи", с уважением относятся друг к другу. Межродовые контакты для них важнее международных конфликтов: когда на поле боя встречаются, "пылая сразиться", Диомед и Главк, то из этикетной предварительной беседы выясняется, что дед последнего некогда гостил у деда первого, и этого оказывается достаточным для того, чтобы противники передумали сражаться "и, с своих колесниц соскочивши, За руки оба взялись и на дружбу взаимно клялись". Никакой "чуждости", взаимного отчуждения между героями с той и другой стороны не наблюдается – такое впечатление, что они даже говорят на одном языке ("hybrid language", как называет его один иностранный исследователь [7]). Конечно, языки у них были все-таки разные, и Гомер не вовсе игнорирует лингвистическое различие "эллинов" и "варваров", однако последнее понятие в "Илиаде" и "Одиссее" встречается всего лишь по одному разу (и именно в чисто лингвистическом аспекте), а "эллинами" он называет лишь жителей южной Фессалии. Ибо в это время, как отметил Фукидид, "сами эллины не обособились еще под одним именем, противоположным названию варваров".

Даже много позже, в эпоху греко-персидских войн, представления о естественном превосходстве греков над варварами еще далеко не полностью утвердились в общественном сознании населения Эллады. Аристократическая верхушка по-прежнему широко практиковала смешанные браки и увлекалась восточными модами (чтобы наглядно маркировать свой статус, "высшие" всегда охотно прибегают к заимствованиям различных элементов "чужой" культуры – от костюма до языка). Спартанский царь Павсаний, победитель персов при Платеях, носил персидский костюм и отдавал предпочтение персидской кухне; победитель персов при Саламине афинский архонт Фемистокл окончил политическую карьеру провинциальным наместником на службе у Артаксеркса I. Это настоящий феодально-монархический образ мысли и жизни.

Причем это касается не только самих аристократов, но и представителей средних слоев, ориентировавшихся на поведение и ценности элиты. Так, Гекатей Милетский в историко-географических сочинениях совершенно не стремился принизить "варваров" (и это человек, бывший одним из руководителей восстания ионийских греков, с которого и начались греко-персидские войны) [8]. Еще больше материала для размышлений в этом плане дает "История" Геродота. Историк греко-персидских войн, очевидец событий второй их половины, он не только посвятил большую часть своего труда описанию варваров всех сторон света, но и описывал их так, что Плутарх, определенно ангажированный в плане того, что можно назвать греческим "национализмом", называл его "филоварваром". Как настоящий этнолог-культуррелятивист, следующий принципам "value free" и "not culturae bound", Геродот описывает явно ненормальные для грека обычаи и нравы разнообразных "варваров" не только нейтральным, но даже по-настоящему благожелательным тоном. У него постоянно оказывается, что те или иные элементы своей культуры эллины позаимствовали у египтян, ливийцев и т.д., так что ни о каком превосходстве первых над вторыми не может быть и речи.

Однако процесс эволюции греческих полисов в направлении гражданского равенства и политической демократии (особенно хорошо известный на примере Афин в эпоху от Писистрата и Солона до Эфиальта и Перикла) к середине V в. до н.э. все же положил конец власти аристократии с присущей ей межэтнической толерантностью и межсословной интолерантностью. Горизонталь оппозиции "свои – чужие" сменила

вертикаль "высшие – низшие". Чем больше развивалась демократическая идеология, доходя не только до популизма в духе афинского демагога времен Пелопоннесской войны Клеона, но и до настоящей коммунистической утопии, которую высмеивал Аристофан в своей комедии "Женщины в народном собрании", тем более четко маркировалась и глубоко обосновывалась оппозиция "эллыны – варвары".

В классической трагедии четко прослеживается корреляция равенства и демократии, с одной стороны, и превосходства эллинов над варварами – с другой. Так, уже в "Просительницах" – первой из дошедших до нас трагедий Эсхила, аргосский царь Пеласг сомневается, принять ли ему Данаид, хотя те с ним в родстве, и, по аристократическим представлениям, он должен оказать поддержку людям, кровно с ним связанным. Пеласг думает в первую очередь о народе, о гражданской общине. Кровные родичи, пусть даже и варвары, для него "чужие", а вот подданные – т.е., в конкретно-историческом контексте, сограждане – "свой". И мнение этих последних значит больше, чем мольбы первых, опасующихся за жизнь из-за своего "нездешнего вида" — "ведь каждый год разд чужеземцев бранить". В "Персах" уже очевидно противопоставляются гражданская независимость эллинов и "варварство" рабски подчиняющихся своим царям персов, а в "Агамемноне" взаимная нетерпимость тех и других доводится до высокого накала, когда хор, рассказывая об осаде и взятии Трои, говорит о судьбе погибших греков, что "Их земля ненавистная Приняла, ненавидя". Сама варварская земля теперь – "ненавистная", и наоборот, даже земля варваров злобно ненавидит эллинов. Почему-то Гомеру не приходило в голову сказать что-нибудь подобное о том месте "на берегу Геллеспонта", где было совершено торжественное погребение Патрокла, зато у Эсхила, как видим, оппозиция "греки – варвары" выражена четко и однозначно.

Еще больше это чувствуется у Софокла, в трагедиях которого отразился весь спектр тогдашней идеологической борьбы, коррелировавшей с борьбой политической и социально-экономической, в том числе идеи полисного равенства-исономии и ненаследственной природы добродетели. "Благородство" теперь становится синонимом гражданско-полисного происхождения. "Родиться во благе" отныне можно лишь от отца-гражданина и матери – местной уроженки, сын только таких родителей может быть свободным гражданином полиса. А вот если у него в родню случайно затесался какой-нибудь варвар, будь он хоть трижды царем, или какая-нибудь иноземная принцесса, то это клеймо на всю жизнь, бесчестье, дающее право каждому "законно-рожденному" бросать ему в лицо упреки и оскорбления. Все это прекрасно выражено в диалоге между Агамемноном и Тевкром из софокловской трагедии "Аякс", где оба поносят друг друга за варварское/"неблагородное" происхождение. "Ахейские мужи" обвиняют друг друга в самом страшном, что только можно себе представить – в примеси варварской крови; иными словами, "эллин" теперь ощущает свое "эллиństwo" как нечто такое, что автоматически и безусловно ставит его выше любого "варвара", позволяет ему презрительно, свысока смотреть на последнего.

До логического предела доводит этот круг соображений Еврипид, в трагедиях которого варвары избираются не знающими свободы и демократии, холопами своих царей-деспотов, и именно поэтому они являются "варварами". Еврипид постоянно доказывает, что не происхождение красит человека, а его поступки, что добродетель не наследуют – ей научаются, что людей объединяет не кровь (особенно "голубая"), а общие убеждения, вкусы, привычки, ценности, главными из которых являются ценности свободы, равенства и демократии. В "Финикиянках" Иокаста дает характернейшую отповедь Полинику, в которой резко отвергается идеал аристократической чести, логически предполагающий социальное неравенство, и воспевается равенство, эта самая демократическая из добродетелей демократии. В "Просительницах" Еврипид устраивает настоящий диспут между фиванским глашатаем, критикующим пороки демократии и превозносящим достоинства монархии, и афинским царем Тесеем, выступающим за демократию и равенство; те же мотивы фигурируют и во многих других его драмах. Соответственно, обладающий политической свободой и ценящий гражданское равенство эллин неизмеримо превосходит варваров, должное отношение к кото-

рым определяется лозунгом "Грек – цари, а варвар – гнися!"; иного отношения последний не заслуживает, ибо "жалкий между жалких, разве варвар Когда-нибудь для грека будет друг?".

Действительно, варвар по определению не может быть другом для грека, ибо, по Аристотелю, "варвар и раб по природе своей понятия тождественные", в то время как "невозможна дружба с рабом в качестве раба". Для Аристотеля вполне "очевидно, во всяком случае, что одни люди по природе свободны, другие – рабы, и этим последним быть рабами и полезно и справедливо". Имеются в виду, естественно, греки и варвары; на последних первым нужно охотиться так же, как на зверей. Варвары действительно предназначены к подчинению самой природой, ибо, по Аристотелю, природа тех мест, где они обитают, делает их естественно неспособными к властвованию – это их расовый признак. Его учитель Платон в своем "Государстве" тоже провозглашал, что "все эллины – близкие друг другу люди и состоят между собою в родстве, а для варваров они – иноземцы и чужаки". Но не буду продолжать приводить известные цитаты, а отмечу тот факт, что все перечисленные авторы являлись афинянами или работали в Афинах, которые были одним из самых демократических, если не самым демократическим полисом Греции. И совершенно закономерно (на мой взгляд), что эта община была одной из самых, если не самой "националистически" настроенной во всей Элладе.

Афиняне на все лады склоняли миф о своем особом происхождении: по местному мифу, первым царем Афин был Кекроп – "автохтон", т.е. "рожденный самой землей" получеловек-полузмея, соответственно, афиняне считали себя "автохтонами", самыми греческими из всех греков, превосходящими всех прочих эллинов, общины которых вели свое происхождение по большей части от разного рода легендарных "варварских" героев. Идея "крови и почвы" в самом буквальном своем выражении родилась здесь, в демократических Афинах, где ее идеологический потенциал впервые был использован демократией во всю свою мощь. Еще оратор Лисий в надгробном слове в честь афинян, павших при защите Коринфа (Коринфская война 394–387 гг. до н.э.), связывал свободолюбие и демократизм афинян с их "почвенничеством" и чистотой крови. Насколько значимой для общественного самосознания афинян была идея их автохтонности, говорит тот факт, что много позднее другой оратор, Исократ, призывая в своем "Панегирике" к объединению Афин и Спарты для совместного покорения варваров, не мог удержаться от того, чтобы среди прочих восхвалений Афин не заявить громогласно: "Мы не смешаны с другими, не собраны из разных племен. Наше происхождение так чисто и благородно, потому что землю, от которой мы родились, мы заселяем испокон веков. Мы – автохтоны, и можем обращаться к нашему городу с теми же именами, какими мы называем самых близких своих родственников. Из всех эллинов только мы одни имеем право называть нашу землю кормилицей, родиной, матерью".

Однако лучше всего три основных идеи – автохтонности и чистоты крови, демократии и превосходства по отношению к варварам, связал друг с другом Платон в "Менексене", где Сократ передает речь второй жены Перикла Аспазии. "Мне представляется, – говорит Сократ о павших в бою афинянах, – что воздавать им хвалу естественно в соответствии с их природой: они родились людьми достойными. А родились они такими потому, что произошли от достойных. ...В основе их благородства лежит происхождение их предков: они не были чужеземцами... Поскольку наши предшественники воспитывались в прекрасном государстве, то с необходимостью становится ясным, что именно благодаря этому доблестны наши современники, к славу которых принадлежат и павшие. ...А власть в государстве преимущественно находится в руках большинства, которое неизменно передает должности и полномочия тем, кто кажутся лучшими... В основе такого общественного устройства лежит равенство по рождению. ...Мы... не признаем отношений господства и рабства между собою; равенство нашего происхождения заставляет нас стремиться к равным правам для всех, основанным на законе, и повиноваться друг другу лишь в силу авторитета доблести и

разума. ...Настолько свойственно нашему городу свободолюбие и благородство, покоящиеся на здоровой основе и природной нелюбви к варварам, ведь мы – подлинные эллины, без капли варварской крови. ...Все мы, живущие здесь, настоящие эллины, а не полукровки; отсюда городу присуща истинная ненависть к чужеземной природе".

Итак, все вытекает одно из другого. Если все равны, то политическое устройство не может не быть демократическим; все равны по природе – от рождения, так как все одной крови, одного происхождения. А раз так, то чистоту крови надо охранять и беречь от инородных загрязнений, нужно держать дистанцию по отношению к инородцам, иноплеменникам, чужеземцам и всем и всяким варварам. Равенство "своих" сообщает им позитивную социальную идентичность, предполагающую превосходство над "чужими". Соответственно, толерантное отношение к последним предполагает неравенство, и именно в этом направлении происходило дальнейшее развитие Греции в эпоху кризиса полиса IV в. до н.э. и, тем более, в последовавшие за этим три столетия эллинизма.

Еще до подчинения Греции Филиппом Македонским и великих завоеваний его сына институт полисного гражданства с его триединством права на землю, политику и войну стал разрушаться, а вместе с ним разрушались гражданская исономия и вся полисная система ценностей. Ксенофонт, Платон, Аристотель, Исократ и другие виднейшие интеллектуалы пропагандировали идею монархии и возврат к сословному строю, предполагающий лишение политических прав несостоятельных слоев гражданства. В свою очередь, киники, занимавшие противоположную позицию в противопоставлении "высшие – низшие", обращали нужду в добродетель и проповедовали отказ от участия в политической/полисной жизни. В эпоху Александра и диадохов это участие действительно потеряло всякий смысл, и политический абсентеизм стал нормой жизни подавляющего большинства населения утративших свой суверенитет гражданских общин. Прежняя социальная структура, основывавшаяся на жестком противопоставлении гражданского коллектива различным категориям неграждан, сменяется новой – сословной: в эллинистических государствах разные слои населения обладали разными правами (политическими, гражданскими, имущественными). Как можно судить по различным источникам, постепенно происходила смена доминирующих типов социальной идентичности, когда идентификация индивидом окружающих и себя самого реализовывалась не в категориях "свой – чужие", а в категориях "высшие – низшие".

Коррелятом этих процессов служило снятие классического антагонизма эллинов и варваров, обозначившееся еще до походов Александра. В речах Демосфена, Эсхила, Исократа "варварство" чужеплеменников, будь то персы или македоняне, к союзу с которыми призывали борющиеся политические группировки, превращалось из ментальной установки в пропагандистскую идеологию, искусственный конструкт, исполняющий функцию образа врага, необходимого для панэллинского объединения (как резонно утверждал Исократ, "невозможно сохранить прочный мир, пока мы не начнем общими силами войну с варварами"). Александр Македонский начал свою войну против Персии под лозунгами панэллинизма, но очень скоро обратился к наднациональной имперской политике, уравнивавшей греков, македонян и самых различных "варваров" по отношению к царскому трону. Эту линию в большей или меньшей степени продолжали его преемники, в результате чего эллинизация варваров уже к II в. до н.э. сменилась варваризацией эллинов. Множество источников, целые философские учения, научные школы и литературные жанры свидетельствуют о минимизации и даже почти полном исчезновении у эллинов чувства естественного – "по природе" – превосходства над "варварами". Само понятие "эллин" становится обозначением носителя определенного социального статуса, сословной, а вовсе не этнической принадлежности. В свою очередь, понятие "варвар" все больше относится не к происхождению, а к образовательному и морально-этическому облику.

Закономерное окончание процесса не только снятия, но и решительной смены оппозиции "свой – чужие" оппозицией "высшие – низшие" в качестве фундамента гос-

подствующего типа социальной идентичности в древнегреческой истории оказалось несколько смазанным из-за наложения друг на друга эллинского и римского цивилизационных циклов. История Рима в аспекте динамики оппозиций "свои – чужие" и "высшие – низшие" повторила историю Эллады. Здесь так же этнокультурные противостояния снимались сословно-классовыми и наоборот, при этом сменявшие друг друга оппоненты выглядели все более внушительно – патриции и плебеи, граждане римской *civitas* и латинские федераты, римляне и италийцы, италийцы и провинциалы, имперские подданные и зарубежные варвары. Каждый виток этой эволюции начинался достижением господства над "другими", а заканчивался растворением потомков победителей среди потомков побежденных. В IV–V вв. романизация варваров окончательно уступила место варваризации римлян, а еще задолго до этого последние утратили комплекс превосходства по отношению к *Graeculi* – "гречишкам", как называли их римляне во II–I вв. до н.э. В свою очередь, коррелятом этого процесса явилось становление в эпоху домината сословного строя, когда все граждане империи были разделены на сословия *honorati* (с подразделением на *illustres*, *spectabiles* и *clarissimi*), *honestiores* и *humiliores*, юридически различавшиеся по своим правам и обязанностям. Имущественная поляризация дополнилась правовой, классовая дифференциация – сословной; стратификационное деление по оси "высшие – низшие" сменило этнокультурное деление по оси "свои – чужие".

Именно эту гипотезу, гипотезу о том, что оппозиция "свои – чужие" определяет параметры социальной идентичности лишь в национально-демократических обществах, а в сословно-авторитарных обществах она вытесняется и минимизируется оппозицией "высшие – низшие", так что межэтническая толерантность неизбежно предполагает межсословную интолерантность, я пытался верифицировать на примере и материале античности. Полученные результаты дают основание закончить верификацию гипотезы и назвать ее теорией; более того, думаю, что могу дать этой теории некоторое практическое и даже прогностическое применение. Собственно, историческая реконструкция, как бы интересна она ни была сама по себе, имеет значение не цели, а средства – средства анализа нынешней стадии эволюции евроамериканской цивилизации и возможных направлений ее дальнейшего развития в аспекте динамики оппозиций "свои – чужие" и "высшие – низшие". История античности в этом отношении представляет собой не просто аналогию, а яркий пример действия общей системной закономерности, заключающейся в том, что внешняя интеграция прямо пропорциональна внутренней дифференциации. В этом свете, например, усиление брюссельской бюрократии по мере углубления интеграции Евросоюза выглядит не случайным следствием доминирования французской централизационно-административной модели, как считает Л. Зидентоп [9], а неизбежным производным самого процесса объединения.

Более того: эту закономерность можно усмотреть в одновременной и, по моему мнению, безусловно взаимосвязанной актуализации двух трендов эволюции современного евроамериканского мира – социальной поляризации и деградации нации-государства. И о том, и о другом явлении пишут многие отечественные и зарубежные исследователи – достаточно назвать имена Э. Пестеля, Ю. Хабермаса, З. Баумана, У. Хаттона, М. Кастельса, А.И. Уткина, А.В. Бузгалина, Н.А. Косолапова, М.М. Лебедевой, В.Л. Иноземцева и др. [10]. Эрозия национального суверенитета, складывание "поствестфальской" системы международных отношений, перемещение финансово-экономического и военно-политического центра тяжести к транс- и наднациональным акторам, с одной стороны, и рост диспропорции между верхним и нижним квинтилем населения западноевропейских стран и особенно США, обозначившаяся дифференциация среднего класса на *knowledge-class* и *underclass*, складывание глобальной элиты, отдаляющейся от эксплуатируемой и деполитизируемой массы на все увеличивающуюся социальную и культурную дистанцию – с другой, выступают не аддитивно соположенными, а коррелятивно связанными явлениями, в определенном смысле эквивалентными процессам поздней античности. Глобализующийся мир, в котором внешнее и внутреннее меняются местами, движется в направлении, уводящем от политической демократии и

гражданского равенства к новым, еще неизвестным формам авторитаризма и сословности, предполагающим смену доминирующего типа социальной идентичности, определяющейся не в координатах "свои – чужие", а в координатах "высшие – низшие".

Конечно, на уровне идеологии и, что еще более важно, на формально институциональном уровне буквально очевидных подвижек к словесной иерархичности, олигархизму, авторитаризму и т.п. во внешних и особенно внутренних аспектах социально-политической жизни демократических государств сегодня не наблюдается. Однако это впечатление обманчиво. Из того, что никто не проповедует необходимость юридического оформления сословных привилегий и никто не призывает отказаться от демократической республики и учредить олигархию либо монархию, еще не следует того, что вектор социально-политической эволюции не направлен именно в эту сторону. Здесь следует принять во внимание два фактора: с одной стороны, в истории ничего не повторяется буквально, в одних и тех же формах – наоборот, скорее одно содержание выступает в разных формах. Социальная стратификация легализовалась и легитимизировалась в разные эпохи, в разных обществах по-разному. Так что не следует думать, что в будущем высшие и низшие страты будут конституироваться буквально в тех же формах и категориях, что и исторически известные сословия. С другой стороны, в истории одна и та же форма может иметь разное содержание, что особенно ярко проявляется в концептуально-понятийной сфере, в частности, в политической терминологии: такие понятия, как "республика", "империя", "консул", "патриций", "гражданин" и т.д. и т.п., в разные периоды истории Рима, средневековья, Нового времени служили обозначением очень сильно отличающихся друг от друга денотатов. Но при этом, как правило, происходила такая контаминация значений, при которой новое содержание концептуализировалось и вводилось в идеологический оборот посредством старой формы.

Речь идет не только о словах: и правовые институты, и административные институты обычно также наполняются новым содержанием, сохраняя старую форму, что во многих случаях ведет к образованию не только юридических, но и административных фикций. В истории часто бывает, что правовые нормы не отменяются, а переосмысляются, а политические учреждения не упраздняются, но коренным образом изменяют свой статус и функции. Например, установление империи в древнем Риме вовсе не сопровождалось уничтожением республики – напротив, Октавиан Август заявлял о восстановлении республики: все республиканские магистратуры были сохранены, сенат заседал по-прежнему, и даже народные собрания-комиции собирались вплоть до начала III в. н.э. Собственно, сами римляне по-прежнему считали, что живут не в монархии, а в республике: правитель был "принцепсом", первым сенатором – а также императором, консулом, проконсулом, цензором, народным трибуном (именно для того, чтобы принцепс получил трибунат, и продолжали собираться трибутные комиции еще два века спустя после их упразднения Тиберием) и т.д. То есть, с формальной точки зрения все оставалось по-прежнему, новым было лишь то, что разные магистратуры стали принадлежностью одного лица. И только через три века форма была приведена в соответствие с содержанием – принципат сменился доминатом, и правитель из "первого" превратился в "господина". Так и в современном сегментирующемся под влиянием практик коммунитаризма и мультикультурализма западном обществе отношения между, по сути, квазисословными группами продолжают в духе "ложного сознания" интерпретироваться как отношения между разнообразными "своими" и "чужими", а сосредоточение реального господства в руках трансгенеративно воспроизводящей элиты маскируется своего рода ложным бытием "электоральной демократии". И неизвестно, сколько времени понадобится, чтобы все стало на свои места.

Я не берусь давать оценку данному направлению движения, ибо положительное отношение к равенству, демократии, нации-государству, народному суверенитету и т.д., и отрицательное отношение к иерархии, авторитаризму, глобализации, сословному строю и т.п., равно как и прямо противоположное, всегда обусловлены теми или

иными реальными или символическими предпочтениями, которые получает или рассчитывает получить оценивающий субъект в одной или другой ситуации, его позицией в той или другой системе и т.д. Кроме того, в ходе социальной эволюции обычно бывает не так, что позитивное сменяется на негативное, или негативное – на позитивное, а так, что одно положительное и одно отрицательное сменяются на другое положительное и другое отрицательное. Несколько упрощая, можно сказать, что в нашем случае не демократия и толерантность сменяются авторитаризмом и интолерантностью, а демократия и интолерантность сменяются авторитаризмом и толерантностью, причем обратной стороной межнациональной толерантности является межсословная интолерантность, и наоборот. Как известно, все новое – это хорошо забытое старое, и постмодерн в этом смысле не может не оказаться в чем-то похожим на премодерн, поэтому лучший способ прогнозировать будущее – это изучать прошлое.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Скворцов Н.Г.* Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1997; *Хотинцев В.Ю.* О содержании и соотношении понятий этническая самоидентификация и этническое самосознание // Социол. исслед. 1999. № 9; *Кандель П.Е.* Национализм и проблема модернизации в посттоталитарном мире // Полит. исслед. 1994. № 1; *Паин Э.А.* Социальная природа экстремизма и терроризма // Общественные науки и современность. 2002. № 4; *Якимович А.К.* “Свой-чужой” в системах культуры // Вопросы философии, 2003. № 4.
2. *Майерс Д.* Социальная психология. СПб., 2002. С. 428.
3. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х т. Т. 2. М., 1999. С. 395.
4. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 49.
5. *Шпилов А.В.* Демократия и толерантность // Социол. исслед. 2005. № 3.
6. См.: *Геллнер Э.* Нации и национализмы. М., 1991; *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001; *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998; *Фрейдзон В.И.* Нация до национального государства. Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII – начала XX в. Дубна, 1999; Европейские революции 1848 года. “Принцип национальности” в политике и идеологии. М., 2001; а также: *Шпилов А.В.* Сословное как “антинациональное”: общество и культура России первой половины XVIII века // Общественные науки и современность. 2005. № 2.
7. *DuBois P.* Centaurs and Amazons: Women and the Pre-History of the Great Chain of Being. Michigan, 1982. P. 79.
8. *Немировский А.И.* Рождение Клио: у истоков исторической мысли. Воронеж, 1986. С. 34–35.
9. *Зидентон Л.* Демократия в Европе. М., 2001. С. 130–131.
10. *Пестель Э.* За пределами роста. М., 1988; *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995; *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2002; *Хаттон У.* Мир, в котором мы живем. М., 2004; *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000; *Уткин А.И.* Богатые и бедные // Философские науки. 2001. № 1; *Бузгалин А.В.* “Постиндустриальное общество” – тупиковая ветвь социального развития // Вопросы философии. 2002. № 5; *Косолапов Н.А.* Международно-политическая организация глобализующегося мира: модели на среднесрочную перспективу // Общественные науки и современность. 2001. № 6; *Лебедева М.М.* Формирование новой политической структуры мира и место России в ней // Мегатренды мирового развития. М., 2001; *Иноземцев В.Л.* Социальное неравенство как проблема становления постэкономического общества // Социол. исслед. 1999. № 5.